

КОНЕЦ КЛАССИЧЕСКОГО ВЕКА

Сегодня это очевидный факт: XIX век в отечественной истории замечателен расцветом российской культуры. Подобно эпохе классической Греции, русский XIX век можно считать классическим временем великих писателей и просветителей. Но в Новейшем времени эпохи сменяются быстрее, чем в античные времена. Здесь уж, как в популярной песне, «мгновения спрессованы в года, мгновения спрессованы в столетия». И эпоха, оставшаяся в истории как *Серебряный век*, стала русским эллинизмом, временем предчувствия катастрофы, временем приметных достижений в искусстве и науке, связанных с порывом выйти за пределы классических представлений. Ключевой фигурой того времени был Дмитрий Сергеевич Мережковский (1866–1941), говоривший о «расширении художественной впечатлительности», о «мистическом содержании и символах».

Художники стремились отражать реальную и абстрактную действительность в новых ракурсах. Программно это движение очень точно выражено в статье Д.С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», которую изучают в современной школе, в 11-м классе. Эта работа доступна, её хорошо знают учителя и неплохо — их ученики.

На заре XX века у России уже сложилась собственная литературная классика и научная школа. Новые имена достойно представили Россию в разных областях знания. Новые титаны были детьми российского Просвещения, наследниками петровского поколения, поколений Пушкина и Гоголя, Тургенева и Некрасова. В последние десятилетия существования Российской империи и в российской науке, и в искусстве появилось немало творцов мирового значения. И мы гордимся тем, что на страницах «Журнала

Д.С. Мережковский

Министерства народного просвещения» публиковались труды корифеев мировой науки, труды, ныне признанные классическими. Наш рассказ и будет посвящён героям журнала: его авторам и редакторам. Тем, кто остался в истории российской культуры навсегда.

1

Да, наступал новый век. Перемены ощущались во всём. Вскоре в костре Первой мировой войны классический российский XIX век и вовсе догорел.

Для начала определим сущность интересующих нас десятилетий в широком социальном контексте. Само слово «просвещение» выходило из моды. Ведь к этому времени Лев Николаевич Толстой успел разочароваться в возможностях школы, в эффективности образования. Всё это уже казалось ему земной тщетой, как и литература, и искусство... Отныне он занимался проблемами бытия, трактуя их во всё более широком смысле; вступил в битву с церковью и государством за свои, толстовские, идеалы, среди которых просвещению уже почти не находилось места —

хотя писатель продолжал мечтать о поголовной грамотности. Отныне и Льва Николаевича Толстого, и молодёжь больше занимали пути быстрого, революционно быстрого выхода из ситуации, казавшейся критической. Нужно остановить войну, прекратить кровопролитие? Значит, нужно, чтобы каждый солдат бросил своё оружие и вернулся домой, к пашням. Бороться с классовым неравенством? Эффективное и кровавое решение этого вопроса предлагали террористы. Толстовство и терроризм — вот два феномена, по которым весь мир судил о России начала XX века. Террористы вошли в моду, кто только не поминал их — от Альфонса Доде до Артура Конан Дойля. Но и Толстым восхищался весь мир — как писателем-пророком. Проповедь, призыв к неповиновению или к прямому восстанию — вот что пришло на смену призывам просвещаться. Заметим, что так продолжалось вплоть до счастливо растиражированного ленинского «Учиться, учиться и учиться!..». Просветители уже не были героями своего времени, но они и при дефиците общественного признания продолжали свою работу. Они просто честно «возделывали свой сад»...

Мы уже упомянули термин «Серебряный век» и сопоставили его с античным «эллинизмом». Эти историко-культурные феномены объединяет установка на элитарность, на усиление индивидуалистического начала, что обусловлено такой закономерностью: классические эпохи, предшествовавшие эллинизму и «Серебряному веку», связаны с идеей просветительской миссии искусства и науки, приходящих в массы, будь то афинские горожане или некрасовские мужики, которые, как мы искренне надеемся вместе с поэтом, «Белинского и Гоголя с базара понесут». Вот и потребовалась антитеза.

2

В новый век журнал вошёл с редактором Эрнестом Леопольдовичем Радловым (1854–1928). В Министерстве народного просвещения после покушения на Николая Павловича Боголепова столоничальники менялись часто. Эта чехарда, метко прозванная журналистами ещё и «отстрелом министров», дестабилизировала ситуацию в разных сферах управления. А.И. Георгиевский, прежний редактор журнала, продолжал играть существенную роль в его работе.

Один из последних российских министров народного просвещения, граф И.И. Толстой, так охарактеризовал своё время: «Рядом с занятиями академическими шла параллельно и с самой откровенной энергией работа политическая: формирование боевых и иных дружин и кружков, широкая пропаганда и, наконец, организация «митингов», причём эти последние стали одним из наиболее характерных и видных явлений в жизни высших учебных заведений, открывших свои стены для поддержки общественного движения и даже, как казалось большинству участников, для руководства им».

И.И. Толстой пытался ввести многообразную образовательную систему, отстаивая «эластичность» типов учебных заведений. Но ни он, ни его преемники не смогли достичь стабильности в управлении образованием, пребывая на министерской должности от нескольких месяцев до двух с половиной лет. И в этой тревожной атмосфере уже идиллическими казались воспоминания об администраторах российского образования из совсем недавнего прошлого — таких, как Евгений Михайлович Феокистов (1828–1898). В нашем журнале был опубликован посвящённый Феокистову пространственный некролог. Он стал своеобразным эпилогом XIX века и написал его Л.Н. Майков, занимавший в то время редакторское кресло в журнале.

Феокистов — выпускник Московского университета времён Грановского — в 1850 году вошёл в литературные круги Москвы и Петербурга. Он сдружился с И.С. Тургеневым, о чём свидетельствует их откровенная переписка, сошёлся и с одним из издателей «Современника» Иваном Панаевым. Вскоре Феокистов становится сотрудником некрасовского «Современника», а позже — корреспондентом «Московских ведомостей». В 1862-м Феокистов, к тому времени уже известный публицист, зачислен на службу в Министерство народного просвещения. Его авторитет растёт, Феокистову поручают министерскую инспекцию в Польшу, откуда он пишет отчёт о тамошних учебных заведениях. Воспользовавшись архивами министерства, Феокистов создаёт монографию о Магницком. В 1871-м министр Д.А. Толстой назначает Феокистова редактором журнала. Министр ценит Феокистова, и редакторский пост Евгений Михайлович оставил, когда граф Толстой, ставший министром внутренних дел, призвал любимого сотрудника для работы на ответственном посту начальника Главного управления по делам печати. Смерть Феокистова — одного из титанов «толстовского классицизма» — стала вехой в истории российской журналистики. Уходила эпоха стабильности и цензурного всевластия.

В.Г. Васильевский

Имя другого редактора журнала и учёного Василия Григорьевича Васильевского (1838–1899) осталось в истории Санкт-Петербургского университета. Жизненный путь этого человека типичен для российского просвещения конца XIX века. Он родился в семье сельского священника. В 1860-м окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, а в 70-м становится профессором в своей альма-матер. В 1872-м появилось одно из важнейших исследований Васильевского — «Византия и печенеги». Васильевский первым связал историю печенегов с историей крестовых походов. Уже в 1870 годы Василий Григорьевич Васильевский имел репутацию крупнейшего исследователя Византии (надо ли говорить, насколько важна была эта тема для православной России эпохи Александра III!).

В это время в журнале опубликованы статьи Васильевского «Русско-византийские отрывки» и «Варяго-русская дружина» (1874–1878 гг.). Васильевский по-новому взглянул на историю зарождения российской государственности, изучив её в геополитическом контексте, в связи с историей Византии, печенегов, Хазарского каганата, стран Восточной Европы... Васильевский спорит с норманнской теорией возникновения государственности на Руси, спорит и с имевшими авторитет в преподавательской практике патриотическими теориями Ломоносова и Иловайского. Стараясь объективно представлять источники, в 1881 году Васильевский печатает в журнале найденные и изученные им «Советы боярина» — памятник литературы XI века, публикует и другие источники по истории Византии и России, с 1894-го редактируя «Византийский временник».

В 1890 году Васильевский удостоивается звания академика и становится редактором журнала. Одновременно он продолжал преподавать в университете, создавая научную школу русских историков-византистов. Его собственные сочинения «Законодательство иконоборцев» и «Материалы для внутренней истории византийского государства» имели основополагающее значение для этой школы.

Васильевский был любимцем студентов, легенды о таких преподавателях надолго остаются в университетах, их передают из поколения в поколение. Писатель В.В. Вересаев вспоминал, что студентом

«университетской наукой занимался без любви, усердно посещал только Васильевского и Прахова». Этому лектору доверяли и до седины сохраняли благодарность за науку, за умение говорить мотивированно, логично и увлечённо. В «Материалах для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук» красноречиво сказано о заслугах Васильевского перед исторической наукой:

Роспись храма в Сопочанах. XV век

«Хотя в то время уже довольно много говорили о византийском влиянии на ход истории России, но специальное изучение Византии многих пугало отсутствием предварительных работ, критического издания источников и т.п. Византиеведение было насаждено в Петербургском университете Васильевским и только благодаря его трудам стало укореняться убеждение в значении византиеведения как специальной науки». Важность византийского вопроса в российской государственной идеологии, а также культурном обиходе того времени подтверждается и историей русского зодчества, в котором с середины XIX века всё явственнее звучат русско-византийские, а затем и неорусские мотивы (византийский мотив неожиданно зазвучал и в парижской архитектуре, в чертах знаменитого

храма Сакре-Кер, что на Монмартре). Византийские традиции в нашей культуре становились всё более осязаемыми, они окружали человека, образовывали пространство цивилизации.

В нашем журнале время работы Васильевского стало временем утверждения традиций непрерывной и своевременной публикации самых авторитетных научных исследований. Да, содержание журнала, соотношение рубрик — тут практически нет изменений, всё, можно сказать, как в предшествовавшем тридцатилетии. Издание сохраняло академически консервативный стиль. По-прежнему главным остаётся «Отдел наук», в котором представлены самые яркие и крупные публикации. Несколько сузился первый отдел: «Высочайшие распоряжения». Теперь журнал публиковал только те царские «повеления», которые непосредственно касались жизни Министерства народного просвещения и просветительских учреждений. Подчеркнём: в свои лучшие годы «Журнал Министерства Народного Просвещения» был педагогическим лишь в недолгие годы редакторской работы Ушинского и его последователя Ю.С. Рехневского. В остальное время он оставался по преимуществу историко-филологическим, став признанным лидером среди аналогичных журналов России, ибо в нём публиковались исследования мирового значения. Непременными читателями (а нередко и авторами) журнала были ректоры университетов и директора гимназий, крупнейшие исследователи и археологи.

Сам Васильевский, несмотря на редакторские хлопоты и лекторскую нагрузку, никогда не прекращал исследовательской работы. Он регулярно публиковался в журнале — и, конечно, не «на правах главного редактора», а в силу высокого уровня своих работ. Исследования и научные сообщения Васильевского по истории и этнографии всякий раз открывали читателю журнала новые сведения о культуре Византии, о древних тюркских культурах на территории Российской империи, о Хазарском каганате. Скажем, исследование В.Г. Васильевского «О построении крепости Саркел» (опубликовано, как мы уже упоминали, в журнале в 1889 г., в двух номерах) до сих пор остаётся одним из полезных источников по хазарской истории. Примечательно, что в 1889 году эта статья получила немалый резонанс, и в декабрьском номере журнала Васильевский опубликовал «альтернативное» сообщение Ф.И. Успенского «О построении Саркела». С помощью публикаций в журнале Васильевский безуспешно пытался решить актуальные научные задачи, с этой целью он и публиковал несколько статей на одну тему, приглашая учёных к дискуссии. Так продолжалось и после смерти Васильевского.

Новый редактор Эрнест Леопольдович Радлов прожил в журнале долгую, полную самых разных впечатлений жизнь. Он был помощником Васильевского на протяжении всего срока работы в журнале этого замечательного человека. После смерти Василия Григорьевича удалось соблюсти преемственность власти, и редактором стал Радлов, его соратник, деятельный и опытный сотрудник нашего журнала.

Учёный-философ, известный как исследователь Аристотеля (*основные работы Радлова — «Этика Аристотеля» (1884 г.) и «Об истолковании Аристотеля» (1891 г.)*), он окончил филологический факультет Санкт-Петербургского университета, после чего начал читать лекции и вести семинары. Совсем молодым человеком вошёл в Учёный совет Министерства народного просвещения и стал сотрудником журнала. Позже он успел поучаствовать в налаживании научной жизни в молодой РСФСР, немало потрудились уже в Советском Союзе. В 1920 году, ещё до образования СССР, его избирают членом-корреспондентом Академии наук по Отделению русского языка и словесности (философия). Умер Э.Л. Радлов в Ленинграде, в 1928 году.

Много лет Эрнест Леопольдович заведовал философским отделением Петербургской публичной библиотеки, в 1917–1924-м был директором библиотеки. Вместе с Владимиром Соловьёвым, также автором журнала, Радлов редактировал философский отдел в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона (был автором 110-ти статей по истории философии). Был он и главным редактором *Философского словаря* (1904). В 1921–1922 гг. Радлова избирают председателем философского общества при Петроградском университете. Ещё молодым учёным он перевёл на русский язык «*Этику*» Аристотеля (1887) — и с того времени радловский перевод выдержал немало переизданий. Под редакцией Радлова вышла на русском языке «*Феноменология духа*» Гегеля, были опубликованы труды Фихте, Мальбранша и многие другие.

Долгие годы Радлов был одним из ближайших друзей Владимира Сергеевича Соловьёва. Конечно, идеи этого поразительно глубокого, самобытного мыслителя и обаятельного человека оказали влияние на мировоззрение Радлова. В.С. Соловьёв вообще мыслил «заразительно», умел увлекать своим творчеством. Творчеству Соловьёва Эрнест Леопольдович посвятил работы «Учение Соловьёва о свободе воли» (1911 г.), «Владимир Соловьёв. Жизнь и учение» (1913 г.), написанные сразу после смерти великого философа. Можно предположить, что преподавательская практика убедила Радлова в необходимости заняться *историей философии*. Начал он, как это и положено, с истоков, с истории античной философии, а позже занялся и русскими мыслителями. Необходимость в системном изучении истории отечественной философии назрела именно в начале XX века, когда русскими философами было уже немало наработано. Э.Л. Радлов одним из первых систематизировал историю русской философии XIX в., во многом предвосхитив классические ныне капитальные сочинения Н.О. Лосского и В.В. Зеньковского по истории русской философии. Радлов небезосновательно считал, что в России философия развивалась прежде всего в университетах. Он несколько недооценивал значение древнерусской философии и утверждал, что подлинную самостоятельность философская мысль в России обрела во второй половине XIX века, в трудах Кудрявцева-Платонова, Каринского и Соловьёва. Радлов отмечал, что русская мысль на всех этапах её развития отличалась интересом к этическим проблемам, к мистицизму. «Очерк истории русской философии» Э.Л. Радлова увидел свет в предвоенном 1912 году.

Сыновья Э.Л. Радлова — Николай и Сергей — ярко вписали свои имена в историю советской культуры. Николай Эрнестович Радлов (1889–1942), искусствовед и художник-карикатурист, сотрудничал с «Крокодилом», работал в «Окнах ТАСС», иллюстрировал детские журналы «Чиж» и «Ёж». Широко известны и его иллюстрации к произведениям Михаила Зощенко и Ольги Форш. Сергей Эрнестович Радлов (1892–1958) — театральный режиссёр и критик — прославился рядом постановок, оставшихся в театральной летописи. Он работал в Ленинграде и Москве, в русских театрах Риги и Даугавпилса. В 20-е годы его увлекала тема возрождения балаганного театра, театра масок. Радловская постановка шекспировского «Короля Лира» в Московском еврейском театре (1935 г.) на долгие годы стала «визитной карточкой» и самого этого театра, и выдающегося актёра С. Михоэлса.

Э.Л. Радлов

И.Я. Билибин

История семьи Радловых, связанная с историей журнала Министерства народного просвещения, отражает историю нашего общества. Радловы — это и история сотрудничества журнала с великолепным русским художником Иваном Билибиным (в предреволюционное время), а в послереволюционное — с известным художником Александром Родченко. Эти ярчайшие мастера создавали художественный облик журнала.

Вышедшие в 1901–1903 гг. иллюстрации Билибина к шести русским народным сказкам прославили молодого художника. И по сей день эти работы (в особенности незабываемые иллюстрации к «Сказке об Иване-Царевиче, Жар-птице и Сером Волке») остаются самыми яркими образцами билибинского творчества. Потом рождались иллюстрации к сказкам Пушкина, приобретенные Русским музеем и Третьяковской галереей. Как талантливейший художник книги, Билибин проявил себя и в «Журнале Министерства Народного Просвещения», с успехом поработав над художественным обликом просветительского журнала. И.Я. Билибин и сам был не чужд преподавательской практике: в течение десяти лет готовил молодых графиков в Школе Императорского общества поощрения художеств. В нашем журнале И.Я. Билибин был желанным сотрудником. Проявил он себя и как блестящий театральный художник, ему в высшей степени был близок своеобразный мир русской оперы — исторической и сказочной. Февральскую революцию Билибин встретил воодушевленно — даже создал эскиз нового герба, где двуглавый орёл был изображён без монархической символики (билибинский орёл чеканился и на российских монетах 90-х годов). Октябрьская революция застала Билибина в Крыму. 21 февраля 1921 г. он отплыл из Новороссийска на пароходе и до 1925 г. жил на Востоке, в Александрии, изучая культуру Древнего Египта, а затем переехал в Париж.

Мастерская Билибина на парижском бульваре Пастера стала знаковым уголком русского зарубежья. На чужбине И.Я. Билибин продолжал активно работать в своих излюбленных жанрах, но тоску по Родине было не перебороть. В 1935 году художник принимает советское гражданство (иностранцем гражданином Билибин не был

Иллюстрации И.Я. Билибина
к русским народным сказкам

НАРОДНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ
ежемесячный педагогический журнал

Логотипы, выполненные
в 1913 году И.Я. Билибиным
для журнала «Народное
образование», который издавал
Священный синод

НАРОДНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ

никогда!); в 1936 г. он поселился в Ленинграде. В Советском Союзе Билибин много преподавал, стал доктором искусствоведения и профессором Института живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской Академии художеств. Миллионы детей входили в мир русской сказки с помощью чудесных билибинских изданий. И в 1950–70-е годы на обложке журнала «Народное образование» часто появлялись анонсы книг с иллюстрациями Билибина, всякий раз радовавшие детей и их родителей.

Умер Иван Яковлевич Билибин в феврале 1942 года, в самые страшные дни ленинградской блокады.

3

Одним из авторов нашего журнала был поэт, педагог и учёный-филолог Иннокентий Фёдорович Анненский. Он открыл русскому читателю мир классической греческой трагедии, ему принадлежат талантливейшие переводы Эсхила, Эврипида, отрывки из которых публиковались в журнале. В сфере филологических интересов Анненского пребывала и молодая русская классика: Гончаров, Достоевский... Как переводчик и исследователь, он увлекался и европейским (прежде всего — французским) символизмом. При жизни Анненский получил признание как педагог, после смерти как поэт — удивительный, ни на кого не похожий. Он был директором Царскосельской гимназии, умел находить общий язык с учениками.

И.Ф. Анненский родился в 1856 году в Омске, где в то время служил его отец. Вскоре семья переехала в Петербург. В 1879-м он оканчивает историко-филологический факультет Петербургского университета, отделение сравнительного языкознания. В том же году началась и педагогическая деятельность Анненского. В гимназиях и на Высших женских курсах он преподаёт древние языки, историю античной литературы и теорию словесности. В 1890 году Анненского назначают директором элитарного учебного заведения, соответствовавшего четырём старшим классам гимназии. Располагалось оно в Киеве и называлось *Коллегией Павла Гологана*. С этого времени карьера Анненского продолжается на уровне директорских должностей. В 1893 г. его переводят в Петербург и назначают директором 8-й гимназии, а в 1896 г. — директором Царскосельской гимназии. За десять лет пребывания на этом посту он становится любимцем гимназистов. В 1905–1906 гг. несколько гимназистов-царскосельцев принимают участие в мятежах. Анненский попытался выгородить своих подопечных, и за это его отстраняют от гимназии. Он был назначен инспектором Петербургского учебного округа. Прощение об отставке было удовлетворено Министерством просвещения за несколько часов до смерти Анненского.

Поэтическая судьба Иннокентия Фёдоровича Анненского загадочна и грустна: его стихи стали манить исследователей своей таинственной силой через полвека после смерти автора. Увлечённый античной поэзией, а также поэзией французских символистов, он сумел использовать все свои культурологические познания в живой и самобытной работе со стихом. Трудно отнести Анненского к какому-либо литературному направлению (хотя он и считается одной из ключевых фигур русского символизма). Его стиль индивидуален, он исчерпывается творчеством самого поэта. Символическая многозначительность в каждой строке Анненского сочетается с бытовой подробностью. На его стихах учились, очень многое из них черпали, но повторить Анненского, как и любого настоящего поэта, не смог никто.

В «Журнале Министерства Народного Просвещения» выходили труды Анненского, посвящённые истории античной литературы — именно они и стали первыми заметными публикациями будущего классика русской литературы.

И.Ф. Анненский

За последние тридцать лет его стихи издавались не раз. Но чтобы читатель почувствовал очарование его поэзии, приведём одно из самых характерных стихотворений И.Ф. Анненского — «НЕВОЗМОЖНО»:

Есть слова — их дыханье, что цвет,
Так же нежно и бело-тревожно,
Но среди них ни печальнее нет,
Ни нежнее тебя, *невозможно*.

Не познав, я в тебе уж любил
Эти в бархат ушедшие звуки:
Мне являлись мерцавшие могил
И сквозь сумрак белевшие руки.

Но лишь в белом венце хризантем,
Перед первой угрозой забвенья,
Этих *ве*, этих *зз*, этих *эм*
Различить я сумел дуновенья.

И, забыв, невестой в саду
Как в апреле тебя разубрали, —
У разбитой калитки я жду,
Позвонить к сторожам не пора ли.

Если слово за словом, что цвет,
Упадает, белея тревожно,
Не печальных меж павшими нет,
Но люблю я одно — *невозможно*.

Знаковой личностью для всех русских гимназистов конца XIX — начала XX вв. был Дмитрий Иловайский, учёный-историк, автор нескольких учебников истории и статей, вокруг которых заваривались долгие и плодотворные дискуссии. Многократно публиковавшийся в журнале, Иловайский олицетворял гимназическую науку того времени и имел репутацию консервативного монархиста, за что не раз подвергался насмешкам пародистов. Он был самым решительным и талантливым противником «норманнской теории» происхождения русского государства. Без Иловайского не представляем наш журнал начала XX века.

Н.Я. Марр

Ещё одно громкое имя из числа авторов журнала — Николай Яковлевич Марр (1864–1934). Будущий академик, в 1920-е сумевший поставить, увы, «с ног на голову» отечественное языкознание, в 1899 году он опубликовал в журнале исследование «Возникновение и расцвет древнегрузинской светской литературы». При желании в этой статье уже можно обнаружить истоки будущего «марризма», ярко отражённого в книге 1924 г. «Новое учение о языке». Пройдёт время, и Н.Я. Марр станет всерьёз утверждать, что русский язык ближе к грузинскому, чем к украинскому. А в 1899-м сравнительно молодой лингвист Николай Марр готовился стать профессором Санкт-Петербургского университета.

После Октября Николай Марр вместе с М.Н. Покровским и В.Н. Фриче заслужит статус творца новой науки, «железного инвентаря материалистического понимания истории». Разумеется, у этой науки были свои объективные достижения, и Марр, и Покровский были людьми талантливыми, яркими, но всё-таки радикально революционный путь оказался тупиковым и для академии, и для идеологии.

Со второй половины 30-х годов, по воле И.В. Сталина, началась ревизия «железного инвентаря». Языковедческие построения Марра рухнули последними — уже после войны, когда в 1950 г. в газете «Правда» вышла директивная статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании». Оппоненты Марра — академики В.В. Виноградов и А.С. Чикобава — стали консультантами Сталина в работе над этой статьёй. Работы «корифея языкознания» на всю страну зачитал по радио Левитан. И новые студенты цитировали уже не Марра, а Сталина и Виноградова.

Не забудем, что Н.Я. Марр ещё до революции был учёным с мировым именем: оригинальность его построений привлекала всеобщее внимание. В журнале выходили его работы, посвящённые культуре Закавказья. В этой области знаний Марр был подлинным знатоком. Рождённый в Кутаиси, сын грузинки и шотландца, он знал около 60 кавказских диалектов. Ему принадлежит заслуга обретения древнего грузинского перевода сочинения одного из отцов церкви, которое не сохранилось в оригинале. Он успешно вёл археологические раскопки в Ани — столице средневековой Армении. Головокружительные научные изыскания Марра повлияли и на представителей лингвистической школы структуралистов. Но современные исследователи справедливо называют Николая Марра «шаманом от науки». Неоспоримо, однако, редкостное дарование этого «шамана». Появление новых «шаманов от науки» с их новыми хронологиями мировой истории и парапсихологическими методиками общения с российскими политиками и историками всколыхнуло читающую Россию в 1990 годы. В какой-то мере и адепты «новой хронологии» являются продолжателями дела Марра — фантастами от науки, которые нередко используют свои академические регалии для оболванивания публики. Видимо, следует признать, что алхимическая, «шаманская» сторона науки всегда была, есть и будет.

Публиковался в журнале и несомненный корифей науки, историк литературы и представитель школы сравнительного языкознания, великий русский учёный Алексей Александрович Шахматов (1864–1920). Много в нашей современной славистике пошло именно от этого неутомимого исследователя древнерусской литературы. Великое дело научного изучения русских летописей было начато именно Шахматовым. Умер он, экс-член ЦК партии кадетов, оставив многочисленных учеников, среди которых был и великий Виноградов, и ряд новых исследований, которые публиковались ещё десятилетие.

Но сначала несколько «анкетных» биографических сведений. Алексей Александрович Шахматов родился в Нарве (ныне это территория Эстонии на границе с Россией). Ещё юношей-гимназистом

проявил способности к научной работе. В 17 лет Шахматов уже был автором статьи, получившей признание российских и европейских славистов. «К критике древнерусских текстов» — так назвал её юный автор. В студенческие годы Шахматов создаёт классическое «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв.» (опубликовано в 1886 году). Выпускник Московского университета, он начинает преподавать в его стенах. В 29 лет Шахматов защищает диссертацию, а в 1899 году становится самым молодым академиком в истории русской филологии. С этого времени Шахматов работает в Петербурге. Главные языковедческие его работы — «Исследование в области русской фонетики» (1894 г.), «К истории звуков русского языка» (1898 г.), «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (1915 г.). Знания в области диалектологии и фонетики славянских языков позволили Шахматову убедительно представить особенности живой древнерусской речи. Ученик Ф.Ф. Фортунатова, Шахматов на протяжении многих лет участвовал в подготовке реформы орфографии, осуществлённой в 1917–1918 гг.

А.А. Шахматов руководил изданием многотомной «Энциклопедии славянской филологии», которая стала событием в европейской научной жизни. Он подготовил к изданию и опубликовал многие памятники древнерусской литературы. После смерти академика Я.К. Грота (автора многих статей, публиковавшихся в нашем журнале) Шахматов продолжил работу над академическим Словарём русского языка. После раннего ухода автора вышли в свет его новые капитальные труды: «Очерк современного русского литературного языка» (1925 г.) и «Синтаксис русского языка» (1925–1927 гг.). В последней работе Шахматов пытается систематизировать огромное многообразие синтаксических конструкций нашего языка. В основе новаторской теории предложения, выдвинутой Шахматовым, лежит учение о коммуникации. Коммуникация понимается Шахматовым как *особый акт мышления*, который сообщает о состоявшемся сочетании представлений. Словесным выражением единицы мышления является предложение, и именно через предложение осуществляется связь языка и мышления. Именно предложение становится предметом синтаксиса как особой лингвистической дисциплины.

В «Журнале Министерства народного просвещения» Шахматов в нескольких номерах в 1900 году опубликовал свой выдающийся труд «Общерусские летописные своды XIV и XV веков». Это классическое сочинение и сейчас находится в сфере внимания всех исследователей древнерусской литературы и истории России этого периода. Автор уже год как был академиком Санкт-Петербургской академии наук и тем не менее считал за честь публиковаться в авторитетном журнале, где регулярно печатались крупнейшие русские филологи — такие, как Грот и Веселовский.

Шахматов был не одинок в своём интересе к русским летописям, к наследию древнерусской литературы. И его старшие товарищи, и ровесники, и младшие последователи, вдохновлённые успехом первых работ Шахматова, принялись изучать истоки нашей культуры, литературы, истоки русского языка. Журнал отразил эти направления научной мысли. И немало работ было посвящено русским древностям. Отметим, например, публиковавшийся в нескольких номерах журнала в 1893 году труд Ивана Жданова «Василий Буслаевич и Волх Всеславьевич», посвящённый актуальным проблемам русской фольклористики, а именно нашим былинам (старинам).

Образы русских богатырей очень важны в воспитании патриотических чувств у молодого поколения. Героический эпос вообще имеет культуротворческое значение для любого народа. На протяжении всего XIX века Россия *обретала* свой эпос, изучая древнерусский язык, осуществляя филологические экспедиции и издания былин. Илья Муромец, Алёша Попович, Добрыня Никитич, Василий Буслаев, Микула Селянинович, Сухман нашли своих почитателей не только в крестьянской среде, где ещё сохранялись творцы-сказители, но и среди горожан. Подобно тому, как античное искусство стало всеобщим культурным достоянием после раскопок в Помпее, привлёкших внимание к греческому классицизму, в России в конце XIX в. пробудился живейший интерес к Древней Руси, к её литературе и искусству.

Об этих процессах, революционно повлиявших на русскую культуру, писал наш современник, художник И.С. Глазунов: «В середине века в Италии было заново открыто искусство древней, но вечно юной Эллады, и это послужило толчком к возрождению заветов антики. В России во второй половине XIX в. и на рубеже XX художники вновь открыли искусство Древней Руси. Его магическая сила,

его духовность, удивительная гармония цветовых аккордов, глубоко национальное понимание задач искусства оплодотворили блестящую эпоху русского Возрождения конца XIX — начала XX в., оказавшего, как известно, огромное влияние на западноевропейскую культуру». Думаем, это одна из самых верных мыслей художника и учёного.

Велик был вклад «Журнала Министерства Народного Просвещения» в «открытие» Древней Руси. Кроме упомянутых, отметим также публикации статей А. Веселовского (о нём — см. нашу статью в «Народном образовании» № 6, 2002) «О сравнительном изучении русского эпоса» (1868, № 2), «Мелкие заметки о былинах» (1889, № 5), а также статей Соболевского «К истории русских былин» (1884, № 7), Шамбинаго «Старины о Святогоре и поэма о Калевипозга» (1902, № 1); заслуживает внимания статья Халанского «К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем» (1903, № 10).

Академик Александр Николаевич Веселовский был «лицом» журнала. Каждая его публикация тут же переводилась на европейские языки. На страницах журнала А.Н. Веселовский сформировал основы своей «исторической поэтики». В 1907 году, после смерти учёного, в 4-м номере журнала вышла статья профессора Р.А. Брауна, посвящённая памяти А.Н. Веселовского.

Величайшие учёные России делали честь почтенному журналу, а журнал предоставлял им кафедру... Я.К. Грот и А.Н. Пыпин, А.Н. Веселовский и А.А. Шахматов, Д.И. Менделеев и С.М. Соловьёв... Великий труд этих людей стал фундаментом отечественной науки XX века. Редакторам журнала удавалось высоко «держат планку» научных публикаций.

К началу XX в. в России выходило ещё мало научно-популярных журналов. «Журнал Министерства Народного Просвещения» заполнял эту нишу. Почему журнал не пошёл по пути узкой специализации по педагогической проблематике? Ответ на этот вопрос подразумевает знание российских культурных традиций. Образование в нашей стране опиралось на просветительскую идеологию, которая ведёт свою родословную от Ломоносова. А эта идеология связана с культом науки, литературы и искусства. Именно в пространстве высоких материй виделось назначение педагога. А потому узкая специализация журнала противоречила бы российской образовательной стратегии. Просвещение принималось как широкое понятие — и ему соответствовал журнал. Не случайно среди ярчайших его публикаций в 1890–1900 годы педагогических исследований немного (в отличие от двухлетнего периода работы Ушинского в журнале). Миссия журнала состояла не в публикации педагогических методик, а в проведении широкой просветительской программы, благодаря которой педагоги должны были стать осведомлёнными в вопросах актуальных научных проблем по гуманитарным, естественным и техническим дисциплинам. Нам представляется, что такая установка разумна и перспективна также и для нашего времени. Хотя, увы, сейчас идеи *широкого просвещения* не популярны, мы декларируем приверженность к специализации образования, а в действительности практикуем образование бессистемное, воспроизводящее социальную отсталость. Между тем в журнале публиковались и исследования по истории и теории педагогики...

С 1910 г., в преддверии 300-летия династии Романовых, отмечавшегося в 1913 г., в журнале проявилась любопытная тенденция. В отделе «высочайших повелений» всё чаще и чаще стали появляться указы о присвоении тем или иным учебным заведениям высочайших имён (имён членов императорской и великокняжеских семей). Таким образом, в учебных заведениях проводилась идеологическая кампания повышения авторитета власти. Можно предположить, что, с одной стороны, власти несколько переборщили с использованием этого нехитрого инструмента. С другой стороны, в обществе рождалась привычка к такому именованию учреждений, укреплённая и позднейшей, советской, практикой. Учреждались и стипендии, поднимавшие имена русских монархов всех эпох и членов императорской и великокняжеских семей. Журнал наводнялся высочайшими именами...

А с 1914 г., когда Россия вступила в Первую мировую войну, наше издание отражало реалии нового, фронтового времени, с его контрастной сменой настроений от патриотического порыва первых сражений до горечи поражений и предчувствий катастрофы. Регулярно публиковались циркуляры Министерства народного просвещения об учащих-беженцах, об устройстве эвакуированных преподавателей, о бывших учениках австрийских учебных заведений (русская армия воевала на территории Австро-Венгрии). В 1916 г. журнал опубликовал высочайше утверждённое положение Совета министров

«О восприятии преподавания на немецком языке». Это положение подвело итог двухлетнему спору о судьбе немецкого языка в сражающейся России.

В том же 1916 г. (не поздно ли?) вышел и министерский циркуляр «О занятиях по допризывной подготовке». До этого допризывная подготовка велась, и велась блестяще, в кадетских корпусах и иных военных учебных заведениях, не подчинявшихся Министерству народного просвещения. Теперь, с 1916 года, требовалось решительное введение квалифицированной военной подготовки в гимназиях и школах. Раненые офицеры и унтеры, прибывшие с фронта, занялись обучением гимназистов и школьников. 1916 год подарил Российской империи последнюю надежду, и всё-таки фронтовые дела шли не так, как этого хотелось гимназистам и учителям, воспитанным на примерах Суворова и Скобелева, Петра Великого и героев 1812 года!.. Журнал отразил попытки правительства укрепить тыл, создать в школе залог военной победы. История показала, что именно обстановка в тылу не позволила армии разбить противника и спасти разваливавшееся государство. Политические игры и финансовые аферы наших промышленников и банкиров оказались предательством по отношению к собственной армии, к России. Параллельно официальному просвещению, выразителем идей которого был наш журнал, укреплялись позиции революционной пропаганды, в которой важная роль уделялась образованию, школе. Значительная часть общества верила в необходимость революции — и наш журнал оказывался в *безвыходном положении*, «вне игры», ибо ему уже не доверяли.

4

Не хотелось бы упускать из виду ещё несколько журнальных публикаций начала XX в. В 1908 г. в двух номерах (февральском и мартовском) опубликована статья Ф.Ф. Вестберга «К анализу восточных источников о Восточной Европе» — интересное исследование по славяноведению. В восьмом номере журнала за 1907 г. Радлов, презрев либеральную моду, напечатал обстоятельную статью А.Э. Нольдэ «Обзор научной юридической деятельности К.П. Победоносцева», где в суховатом стиле дал обзор созидательной работы человека, проклинаемого значительной частью тогдашнего общества — покойного обер-прокурора Священного синода.

В начале XX века, помимо многих других тенденций, в России ощущалось и желание познать и осмыслить традиции Отечества, наш исконный уклад жизни. Многие считали, что мировое движение технического прогресса угрожает русской культурной самобытности, и находили особый смысл в занятии русской стариной, наполненной величием и благодатью. На «карте» русской культуры не должно было оставаться белых пятен. И журнал публиковал исследования как обобщающие, так и локальные — по истории нашего общества, культуры. Из локальных выделим статью Н.С. Суворова «Псковское церковное землевладение в XVI—XVII вв.».

Ведущей работой, посвящённой многогранной филологической проблеме, заявленной в заглавии статьи, долгое время была статья маститого учёного, одного из министров просвещения Временного правительства С.Ф. Ольденбурга (1863—1934) «Фаблю восточного происхождения», опубликованная в журнале в мае 1907 г. А разве могли исследователи истории Древней Руси от Вернадского до Б.А. Рыбакова пройти мимо статьи А. Спицына «Расселение древнерусских племён по археологическим данным», опубликованной в самом конце века, в 1899 году, в 324-м номере журнала?

5

По традиции особое место в журнале занимал отдел рецензий. Доктор исторических наук Л.И. Бородкин (МГУ) подготовил интересную статью «Рецензия: экспертиза и диалог (на примере рецензий, опубликованных в «Журнале Министерства Народного Просвещения» в конце XIX — начале XX вв.». Рецензии нашего журнала той поры представили Л.И. Бородкину благодатный материал для исследования. Учёный изучил его и сделал следующие выводы: «При просмотре рецензий, опубликованных в ЖМНП

в течение пятнадцати лет (с 1890 по 1905 г.), были замечены некоторые особенности рецензии как одного из жанров исторической профессиональной периодики того времени. Каковы же общие направления рецензирования? Наиболее часто встречается критика за отсутствие научной объективности, неполное привлечение литературы, особенно последних лет, по теме работы, неполноту источниковой базы, а также оформление текста (к примеру, трудность прочтения ссылок и примечаний, цитирование без указания источника) и за шероховатости стиля изложения. Главное для рецензента — исторический факт. Сосредоточение критики научной рецензии вокруг фактологической стороны работы соответствовало принятому в то время пониманию цели научного исследования как приращения научного знания. Представление о расширении знаний исторической науки соотносилось с расширением знания фактологии исторического прошлого.

Главной целью исследования при таком понимании задач истории являлось открытие новых фактов, новых данных об историческом прошлом, открывающих возможность для будущих историков основывать на них свои исследования. Поэтому рецензенты и уделяли внимание главным образом тому эмпирическому материалу, который был изложен в работах, — разбору исторических фактов, а не «общим местам», рассуждениям об истории в целом. В рецензиях мало оценок по поводу концепции историка и много критики за конкретные фактологические ошибки, а также неверное толкование исторического факта, то есть «вписывание» его в известную в то время фактологическую канву. Критика рецензента конкретна, а уличение в ошибке всегда обосновано.

Приводя выводы Л.И. Бородкина, отметим, что подобные наукообразующие функции отдела рецензий практиковались в журнале закономерно. Эта традиция осознанно формировалась такими преданными «жрецами науки», как редактор журнала В.Г. Васильевский. В этом свете особый смысл получает заключение Бородкина, которое можно считать данью уважения прозорливости профессора Васильевского: «На основании анализа привлечённого к данному исследованию материала можно сделать вывод о том, что функцией рецензии было не только экспертное заключение. Через рецензирование происходит профессиональный диалог. Общие направления критики, целью которой является экспертиза, создают «каркас» исторической науки данного периода. Возможность личностного диалога показывает, что в рассматриваемый период рецензирование представляло собой подвижную, живую форму коммуникации. При рецензировании новые работы соотносятся с той системой ценностей в научном сообществе, на которую ориентируется каждый, причисляющий себя к нему при оценке новых идей. Рецензии привлекались к историографическому исследованию чаще всего с целью поиска дополнительных сведений о концепции автора или затем, чтобы увидеть его глазами современников, реставрировать «взгляд со стороны» на историка. При рассмотрении рецензии как жанра профессиональной периодики изучаются условия парадигмального существования науки».

Васильевский и его ученики видели в «круговерти» рецензий модель научной жизни, путь развития научного прогресса. Отдел рецензий журнала был для них отточенным инструментом, помогавшим в широко понимаемой ими просветительской работе.

6

Шла Первая мировая... «Журнал Министерства Народного Просвещения», как и само министерство, ждали кардинальные перемены, потрясения. Перемены коснутся и названия, и структуры журнала, но прежде определившаяся суть его останется неизменной. Журнал приходил к учителям, к учёным, к администраторам образования; он добросовестно служил просвещению нашей страны и был связан с правительственным ведомством, ответственным за просвещение. За двести десять лет истории журнала перемен и испытаний было немало, да и не быть их не могло. Но все поколения редакторов и авторов журнала помнили о вечном *зерне* нашего издания: помнили о том, что просвещение было и остаётся культуuroобразующим и государствообразующим явлением в России. Испытания обогащали просветительство его — и мотивы Шахматова и Анненского, Марра и Радлова нашли продолжение, получили развитие в следующих выпусках журнала. Традиция не умирала!